

М.В.ПУЛЬКИН

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ НАСТАВНИКИ ИЗ ФИНЛЯНДИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Середина XIX в. стала переломным этапом существования старообрядчества в Карелии. Далеко позади остались “героические” времена крупнейшего центра старообрядчества на Европейском Севере России — Выговского “общежительства”, когда старообрядческая пустынь словно чудом сохранялась во враждебном ей “никонианском” мире. “Выгопустынное общежительство” в первой половине XIX в. стало для современников своеобразным связующим звеном с предшествующим столетием — периодом наивысшего подъема старообрядческой культуры в Карелии. Ностальгию по безвозвратно ушедшим временам старообрядцы ощущали длительное время. Но относительное единство среди старообрядцев Карелии во второй половине XIX в., с прекращением существования авторитетной старообрядческой киновии, исчезло навсегда.

Принято считать, что к концу XIX в. в Карелии существовали следующие толки: даниловский — в Петрозаводском, Олонецком и Повенецком уездах; филипповский — на всей территории Карелии, за исключением Приладожья; федосеевский — в Петрозаводском уезде; аристовский — в Петрозаводском и Повенецком уездах; бегунский — в Петрозаводском, Повенецком, Пудожском уездах (1). Таким образом, имело место смешение разных — чаще всего враждебных друг другу — толков на одной территории. Однако даже эта, более чем приблизительная, классификация представляется излишне жесткой. Довольно часто сами староверы в XIX в. не могли назвать свое согласие, и, тем более, определить, чем их “вера” отличается от “официального” православия и других толков (2).

Дробление старообрядческого движения на толки, административный нажим на религиозных диссидентов приводил к переселению старообрядцев в труднодоступные для гонителей места.

К середине XIX в. местом для укрытия приверженцев “древлего благочестия” стала Финляндия, откуда проповедники старообрядчества могли совершать путешествия в сопредельные территории России, распространяя свои воззрения на “никониянскую” церковь и духовенство. Впервые информация о Мегорском и Пахкаламбском скитах появляется в материалах делопроизводства российских органов власти в 1839 г., когда при проведении границ между Куопиоской и Олонецкой губерниями были обнаружены старообрядческие часовни и при них поселение — “общежительство” (3).

Однако никаких сведений о проповедниках из этих селений, странствующих по Карелии, в деле не было. Возможно, сами эти походы начались лишь в 1856 г., то есть вскоре после разгрома Выговской пустыни и, следовательно, исчезновения общепризнанного лидера старообрядцев Карелии. В то же время из документов Олонецкой духовной консистории видно, что карельские старообрядцы регулярно посещали расположенные в Финляндии скиты, где, как говорилось в доношениях священников, “публично совершают службы, как рукоположенные в сан священства, простые мужики” (4). Речь шла о старообрядческих скитах в Пахкалампи и Мегре (Иломанси). По данным финского историка Исмо Бьёрна, первый из скитов был основан в 1798 г. бежавшим в Финляндию из Олонца крестьянином Марком Александровым. Мегорский скит был основан в начале XIX в. также выходцем из России — государственным крестьянином по имени Онуфрий (5). Здесь необходимо заметить, что финский историк основательно изучил хозяйство скитов, происхождение их обитателей и прочие вопросы внутренней жизни. Однако взаимосвязь между Карелией и расположенными в Финляндии скитами осталась за рамками его исследований.

Между тем на протяжении всего времени своего существования расположенные в Финляндии скиты не прерывали связь с Империей. С одной стороны, приходящие из Финляндии проповедники были желанными гостями во многих крестьянских домах. Здесь они опирались на помощь и поддержку местных старообрядцев. Как говорилось в отчетах духовенства, “иногда тайно приходят из пустыни сами наставники или лживые попы их, коих раскольники принимают с честью и скрывают от нас” (6). Этот вывод вполне соответствует и наблюдениям И. Бьёрна: “Обитатели монастырей Иломанси служили духовными наставниками для старообрядцев из соседних приходов,

вследствие чего влияние монастыря распространялось по всему Северному Приладожью” (7). Вполне логичным представляется суждение о том, что участие старообрядцев в религиозной жизни карельских деревень обуславливалось существенным пробелом в познаниях местных священников — незнанием карельского языка. Старообрядцы вполне свыклись с местной спецификой: языковой барьер для них не был непреодолимой преградой. Это выгодно отличало их от местного духовенства (8).

Как видно из доношений священников в адрес консистории, старообрядческие наставники, посещая крестьянские дома, осматривали кресты, давая собственные заключения о том, можно ли “этому кресту молиться”. В январе 1864 г. один из старообрядческих наставников — выходцев из Финляндии, сделав прорубь во льду Сандал-озера, “перекрещивал всех желающих” в полном соответствии со старообрядческим суждением о том, что “сатанинское (то есть совершенное в церкви) крещение несть крещение, но паче осквернение”. Часто перекрещивание происходило во время тяжелой болезни, которую старообрядцы также связывали с отпадением от их веры. В такие моменты, как говорилось в документах консистории, “к сему незаконному делу служат поблажкою родственники больного или соседи, которые нарочно иногда посылают за наставником в пустыню”, и старообрядец отправлялся в неблизкий путь из Финляндии, чтобы исполнить свой пастырский долг. Впрочем, иногда старообрядческие наставники из Пахкаламбы подолгу жили в крестьянских домах, поддерживая в крестьянах раскольнический дух и попутно, чтобы не есть даром хлеб, занимались вязанием сетей (9). Анализ следственных документов о деятельности старообрядцев приводит к впечатляющему выводу об исключительно высокой активности старообрядцев, сумевших за короткий срок развить успешную деятельность в Соломенском, Шуйском, Ялгубском, Сунском, Кондопожском, Лычноостровском и Машезерском приходах (10).

Благодаря внимательному изучению материалов делопроизводства Олонецкой духовной консистории, вполне вероятным представляется вывод о том, что обитатели старообрядческих скитов в Пахкаламбе и Мегре принадлежали к федосеевскому толку в старообрядчестве — остававшемуся одним из самых влиятельных в России на протяжении всего XIX в. (11). Федосеевцы проживали в Москве, Петербурге, Новгороде, Риге, Польше, по всей Сибири. Кроме того, они

обретались в Турции и до настоящего времени живут в Прибалтике. Принадлежность к этому толку, безусловно, создавала серьезные, в том числе и экономические, преимущества. Доказательством принадлежности к федосеевскому толку финских старообрядцев является, в частности, то, что о своих симпатиях именно к этой части сторонников “древлего благочестия” заявляли все перекрещенные финскими старообрядцами крестьяне (12). Кроме того, финляндские старообрядцы, которые на допросах открыто объявляли о приверженности федосеевскому толку, встречали наиболее теплый прием именно в Петрозаводском уезде, где позиции федосеевцев были особенно сильны (13).

Успеху деятельности старообрядческих проповедников — выходцев из Финляндии в значительной мере благоприятствовало то обстоятельство, что финские власти, в отличие от духовной и светской власти в Карелии, не принимали мер к пресечению деятельности старообрядцев. В этой связи, в частности, священник Гимольского прихода отмечал: “... а еще более сим наставникам таковые пакости делать и совращать народ потворствует заграничное свое начальство, нисколько не обращая на такие их дела внимания” (14). В своей поддержке старообрядцев Финляндия была не одинока: старообрядческие общины возникали в разное время в Болгарии, Польше, Соединённых Штатах Америки и Канаде (15). Однако укрывательство старообрядцев в непростой для них период и создание для них благоприятных условий в великом княжестве Финляндском, тесно связанном с Российской империей, все же было уникальным явлением.

Примечательно, однако, что и сами духовные власти оказывались бессильны в борьбе против старообрядческих наставников — выходцев из Финляндии. Общепринятым наказанием за бродяжничество, в котором, как правило, обвиняли старообрядческих наставников, была высылка на Кавказ, или в Сибирь, или в другие отдаленные губернии. Однако материалы делопроизводства показывают, что эта мера применялась исключительно к тем странствующим старообрядцам, которые были жителями Империи, а в отношении обитателей Финляндии порядок решения дел был иным: после выяснения личности их отправляли обратно на место жительства, откуда они вновь могли вернуться в Карелию для продолжения странствий по карельским деревням (16).

Нетрудно заметить, что в своей деятельности старообрядческие наставники опирались на накопленный в старообрядчестве опыт пастырской практики. В момент создания Выговского “общежителства” в нем самом не было недостатка в священнослужителях. “Тот факт, что по существующим церковным правилам они не имели на это права, роли для старообрядцев не играл, так как патриарх Никон был объявлен ими Антихристом, а стало быть, все, идущее от него, также несло на себе антихристову печать” (17). Наставниками старообрядцев стали собственные избранники, наделенные всей полнотой прав и обязанностей, которыми обычно обладает духовенство.

Продолжение традиций Выговского “общежителства” проявилось и в другой сфере. В расположенные в Финляндии скиты постоянно поступали новые переселенцы, по разным причинам не сумевшие или не пожелавшие сохранять “благочестие” в суровых российских условиях. Довольно часто это были паломники, нуждающиеся во временном жилье, исполнении религиозных обрядов и, не в последнюю очередь, общении с единоверцами. В делах Олонецкой духовной консистории эти миграции отражены достаточно подробно: “...на исповедь они (жители Карелии. — М.П.) ходят иногда явно, иногда тайно, в пустыни заграничные в Пахкаламбу и Мегру” (18). К такому же выводу приходит и финский историк: “Монастыри в Иломантси (Финляндия. — М.П.) были местом паломничества, где собирались, чтобы предаться благочестивым размышлениям, старообрядцы с обширной территории” (19). В числе тех, кто постоянно проживал в Пахкалабском скиту и время от времени появлялся в России, упомянут беглый солдат Евдоким Петров, замеченный в 1864 г. в Ялгубском, Соломенском, Сунском и Кондопожском приходах, где он занимался обычным для старообрядческого наставника делом — перекрещиванием местных жителей по старообрядческим правилам (20).

Помимо опоры на те территории, где законодатели были более терпимы к старообрядческому вероучению, сторонники “древлего благочестия” могли найти поддержку в Москве и Петербурге, старообрядческие общины которых в конце XIX—начале XX вв. были богаты и влиятельны. Поддержка старообрядцев Карелии со стороны благотворителей из обеих столиц выражалась, во-первых, в поставках “пропитания”, которое распределялось среди

“раскольников” и, безусловно, должно было поддерживать в них устоявшиеся убеждения. Во-вторых, судя по данным миссионерских отчетов, помощь местным старообрядцам выражалась в поступлениях литературы (21). Священники Олонецкой епархии были убеждены в том, что оба эти внешние источники старообрядческого движения тесно переплетены: выходцы из Мегорского и Пахкаламбского скитов и являются посредниками в обеспечении карельских старообрядцев разнообразной помощью, поступающей из Москвы и Петербурга (22), унаследовав, таким образом, один из главных источников существования Выговского “общежителства”. Кроме того, сами старообрядческие поселения вплоть до прекращения своего существования, произошедшего в начале XX в., принимали в состав своей братии выходцев из России (в частности, из Олонца), которые становились духовниками (23), то есть по традиции занимали весьма влиятельные должности в старообрядческой иерархии. Прекращение притока переселенцев из России, произошедшее после объявления политики веротерпимости в 1905 г., стало основной причиной исчезновения старообрядческих поселений в Финляндии (24).

Итак, успех деятельности старообрядческих наставников — выходцев из расположенных в Финляндии Мегорского и Пахкаламбского скитов, стал возможен благодаря сочетанию ряда факторов. Прежде всего, финские старообрядцы заполнили своеобразную лакуну, образовавшуюся после исчезновения Выговской пустыни — крупнейшего центра старообрядчества на Европейском Севере России. Кроме того, старообрядцам удалось восстановить важнейшие составляющие части внешних связей старообрядческих поселений Карелии: во-первых, отношения с влиятельными старообрядческими благотворителями, проживающими в столицах, и, во-вторых, обширные контакты с местным населением, опирающиеся на традиции наставничества и устойчивую систему связей местного населения с Финляндией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пулькин М.В. Старообрядчество Карелии по второй половине XIX — начале XX в.: основные тенденции развития // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра Российской

Академии наук. Петрозаводск, 1999. С.149.

2. Чуракова Н.Н. География старообрядческих согласий на Архангельском Севере// Старообрядчество Русского Севера. М.; Каргополь, 1998. С.13.

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1431. Оп.1. Д.1962. Л.19.

4. Национальный архив республики Карелия.(НАРК). Ф.25. Оп.8. Д.4/15. Л.3.

5. Björn I. Ilomantsin vanhauskoiset// Kahden Karjalan vdlilld. Kahden Riikin riitamaalla. Joensuu, 1994. S.237.

6. НАРК. Ф.25. Оп.8. Д.4/15. Л.3.

7. Björn I. Op. cit. S.238.

8. Подробнее об этом см.: Пулькин М.В. Языковые проблемы в деятельности православного духовенства на территории Олонецкой епархии в XVIII—начале XX в.// “Свое” и “чужое” в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 1999. С.36—38.

9. РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.1974. Л.6об.

10. Там же. Л.304

11. Подробнее о федосеевцах см.: Федосеевское согласие// Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С.287—288.

12. РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.1974. Л.5об.

13. Амозова Л.Н. Старообрядчество в Олонецкой губернии к началу XX в. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры. Петрозаводск, 1994. С.5.

14. НАРК. Ф.25. Оп.8. Д.4/15. Л.3.

15. Робсон Р. Культура поморских старообрядцев в Пенсильвании // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С.27—32; Иванец Э. Обряд крещения у старообрядцев в Польше// Там же. С.262—268 и др.

16. РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.1975. Л.129—130.

17. Соколовская М.Л. Складывание института “учительства” в Выго-Лексинском общежительстве (об исполнении “келейного правила” скитскими старостами)// Мир старообрядчества. Личность. Книга. Традиция. Вып.1. М., СПб., 1992. С.31—32.

18. НАРК. Ф.25. Оп.8. Д.4/15. Л.3об.

19. Björn I. Op. cit. S.238.

20. Подробнее об этом см.: НАРК. Ф.25. Оп.8. Д.4/15. Л.3.

21. Подробнее об этом см.: Там же. Оп.14. Д.59/16. Л.31.

22. Там же. Оп.8. Д.4/15. Л.3об.

23. Björn I. Op. cit. S.242.

24. Ibid. S.242.